

УДК 81'373.215

ББК 090

ЭРЦЕС ~ ИРТЫШ. К ЭТИМОЛОГИИ ЭПИЧЕСКОГО И ИСТОРИЧЕСКОГО ГИДРОНИМА

А. А. Бурыкин

Название реки Эрцес Бумба как единицы эпического, мифологического и исторического топонимикона калмыков привлекает внимание тем, что оно присутствует в калмыцком героическом эпосе «Джангар». Связь названия Эрцес Бумба с широко известным гидронимом *Иртыш*, названием реки в Западной Сибири, берущей свое начало в Монгольском Алатау и впадающей в Обь, не вызывает сомнений и является очевидным фактом как для эпосоведов [Джангар 1990: 458, 462], так, похоже, и для ономастов.

Изучение истории топонимов, как эпико-легендарных, так и вполне реальных, связанных с историей монголов, ойратов и их соседей, заставляет в применении к каждому из географических названий осветить как минимум две проблемы: проанализировать источники, где встречается данное название, и обратиться к решению вопроса об этимологии, языковой принадлежности и семантике этой единицы.

Река с названием *Эрцес Бумба* встречается в текстах «Джангара», представляющих версию Ээлян Овла, всего однажды в XI песне «Джангара» — «Победа Алого Хонгора и Савара Тяжелорукого над семью богатырями Замбал-Хана»:

Подданные самого владыки Джангара,

Говорящие на семидесяти языках,

Отняли владения

У сорока тысяч ханов, живших

У ста тысяч истоков реки Эрцес Бумбы
[Джангар 1990: 341].

Это упоминание реки Эрцес Бумбы оказывается единичным для данной версии «Джангара», и в связи с этим важно отметить, что песнь XI «Джангара», где встречается этот гидроним, вообще в целом оказывается необычной в плане топонимики. В ней упоминаются гора Орог Йондон Орза, гора Арслангин Алтай, океан Шартаг, косогор Самбай, гора Гандык Алтай, море Аршан Цаган, море Шарту, гора Самбал, река Арта, урочище Уджим Шара, гора Эрклю, и многие из этих названий встречаются только в этой песне, действие которой так или иначе

в разных эпизодах связано с вполне реальными горами Алтая. И хотя обобщение ономастикона и хронотопа «Джангара», в особенности его топонимии, может быть осуществлено и завершено только при составлении энциклопедии «Джангара», которая могла бы стать интересным и новым проектом в исследовании калмыцкого героического эпоса, мы уже сейчас можем отметить, что песня XI «Джангара» оказывается обособленной от других частей той же версии. Впрочем, она обособлена и в отношении состава персонажей: в ней заметен элемент коллективности в большей степени, чем в других песнях. Существенно, что сложение этой песни в отличие от многих других песен «Джангара», в которых присутствуют архаические мотивы, может быть датировано временем конца XIV и начала XV в., поскольку в ней уже отмечено существование в буддизме ойратов «желтошапочного» и «красношапочного» направлений:

Семьдесят тысяч шабинеров, последователей веры,

Различаясь на желтых и красных, ...

Нараспев читают [молитвы] [Джангар 1990: 340–341].

Руководствуясь данными исторической топонимики, своеобразием состава персонажей песни и датирующими деталями, можно предположить, что Эрцес Бумба «Джангара» — это вполне реальная современная река Иртыш.

Название реки Иртыш встречается в «Сокровенном сказании»:

Найманский Кучулук-хан, потеряв свой улус, решил присоединиться к Меркитскому Тохтоа в то время, когда тот сошелся с ним на пути своего бегства с небольшим отрядом людей. Подойдя к ним, Чингисхан завязал бои, и тут же Тохтоа пал, пораженный метательной стрелой-шибайн-сумун. Сыновья его, не имея возможности ни похоронить отца на месте боя, ни увезти его прах с собою, отрезали его голову и спешно отошли. Тут уж было не до общего отпора, и Найманы вместе с Меркитами обратились в бегство. При переправе че-

рез **Эрдыш** они потеряли утонувшими в реке большую часть людей. Закончив переправу через **Эрдыш**, Найманы и Меркиты с небольшим числом спасшихся пошли далее разными дорогами, а именно Найманский Кучулук-хан пошел на соединение с Хара-Китадским Гур-ханом на реку Чуй, в страну Сартаульскую, следуя через землю Уйгурских Хурлуудов [Сокровенное сказание монголов 1990: 163–164].

Приведем еще одну цитату, т. к. они необходимы нам для того, чтобы обосновать локализацию интересующей нас реки в связи с другими пространственными и культурными ориентирами — топонимами и этнонимами:

Сказал Чингиз-хан Хорчию: «Ты предсказал мне будущее, с юности моей и по сей день в мокроть мок со мною, в стужу — коченел. Ты, Хорчи, помнишь, говорил: «Когда сбудется мое предсказание, когда Небо осуществит твои мечты, дай мне тридцать жен. А так как ныне все сбылось, то я и жалую тебя: выбирай себе тридцать жен среди первых красавиц этих покоровшихся народов». И он повелел: «Пусть Хорчи ведает не только тремя тысячами Бааринцев, но также и пополненными до тьмы Адаркинцами, Чиносцами, Тоолесами и Теленгутами, совместно, однако, с (тысячниками) Тахаем и Ашихом. Пусть он невозбранно кочует по всем кочевьям вплоть до при-**Эрдышских** Лесных народов, пусть он также начальствует над тьмою Лесных народов. Без разрешения Хорчи Лесные народы не должны иметь права свободных передвижений. По поводу самовольных переходов — нечего задумываться!» [Сокровенное сказание монголов 1990: 180–181].

Одни из ранних упоминаний о реке Иртыш присутствуют в «Сборнике летописей» Рашид-ад-Дина. Приведем несколько выдержек из этого сочинения:

Распределение юртов найманов таково. Летние кочевья: Талак — юрт их государя; Джаджиз-наур — место его ставки [орда]. Зимовки: гора Адар-Эбкэ, Бакрас-олум; Ачирик-наур и река Ала-Етрин. Эти племена [найманов] были кочевыми, некоторые обитали в сильно гористых местах, а некоторые — в равнинах. Места, на которых они сидели, как упомянуто [?], таковы: Большой [Екэ] Алтай, Каракорум, где Угедей-каан, в тамошней равнине, построил величественный дворец, горы: Элуй-Сирас и **Кок-Ирдыш**

[Синий Иртыш], — в этих пределах обитало также племя канлы, — **Ирдыш-мурэн**, который есть река **Иртыш**, горы, лежащие между той рекой и областью киргизов и соприкасающиеся с пределами той страны, до местностей земель Могулистана, до области, в которой жила Он-хан [Рашид-ад-Дин, I 1952: 136–137].

Здесь существенно то, что гидроним Иртыш относится к территории расселения найманов и даже однажды встречается в сочетании с монгольским топонимическим формантом *мурэн* «река». Следующее упоминание реки Иртыш оказывается довольно странным:

Когда Чингиз-хан разбил найманов и убил Таян-хана, он в год барса, в пределах течения реки Онона, водрузил девятиконечный белый бунчук [туг], устроил великое собрание и великий пир; и [там] дали ему имя Чингиз-хан. После этого [Чингиз-хан] выступил с намерением захватить Буюрук-хана, брата Таян-хана; тот же был занят [в это время] охотой на птиц; [Чингиз-хан] неожиданно захватил его во время охоты и убил. Кушлук и его брат, оба были с [Буюрук-ханом]; убежав, они ушли к реке **Ирдышу** [Рашид-ад-Дин, I 1952: 138].

Река Онон, принадлежащая к бассейну Амура, находится довольно далеко от истоков или верхнего течения Иртыша, в то же время между этими объектами не указывается ни одного названия иных местностей. В следующем контексте Иртыш опять связывается с областью найманов:

[Когда-то] его <Чингиз-хана> племянник по брату, Кушлук-хан, в то время когда убивали его отца, Таян-хана, бежал к своему дяде Буюрук-хану. Токтай-беки, государь меркитов, так же как это было раньше изложено, прибыл к нему. Они оба укрылись в местности, название которой **Ирдыш**, на рубеже области найманов [Рашид-ад-Дин, II 1952: 150–151].

Интересно следующее упоминание реки Иртыш в том контексте, где указывается, что в соседстве с этой рекой живут ойраты:

В год дракона, начинающийся [с месяца] раджаба 604 г. х. [январь–февраль 1208 г. н. э], когда Чингиз-хан вернулся после завоевания областей Тангут и киргизов и эмиры этих областей [ему] подчинились, — он расположился в своих жили-

цах [ханаха]. Там он провел конец лета и зимой счастливо выступил для отражения Токтай-беки и Кушулука, которые оба бежали после битвы к Буюрук-хану и прибыли в область [реки] **Ирдыша**. В пути патрульный дозор и передовые [пишрав] части войска неожиданно наткнулись на племя ойрат, предводителем которого был Кутукэ-беки [Рашид-ад-Дин, II 1952: 151–152].

Наконец, еще два упоминания Иртыша у Рашид-ад-Дина связывают эту реку с фактами из жизни Чингис-хана и его преемников:

Год Лу, год дракона, приходящийся началом на [месяц] зул-хидджэ 616 г. х. [7 февраля–7 марта 1220 г. н. э.]. В этом году Чингиз-хан был в пути на страну тазиков и провел лето в долине реки **Ирдыша**, чтобы лошади откормились; осенью он соизволил двинуться оттуда и захватил города и области, которые лежали на пути [Рашид-ад-Дин, II 1952: 256].

Все области и улус, находившиеся в пределах реки **Ирдыш** и Алтайских гор, летние и зимние кочевья тех окрестностей Чингиз-хан пожаловал в управление Джучи-хану и издал беспрекословный указ, чтобы [Джучи-хан] завоевал и включал в свои владения области Даит-и Кип-чак и находящиеся в тех краях государства. Его юрт был в пределах Ирдыша, и там была столица его государства. Вот и все! [Рашид-ад-Дин, II 1952: 78].

Происхождение названия реки Иртыш, несмотря на длительную историю изучения топонимии Западной Сибири, ее отдельных территорий и административных регионов, остается пока еще не выясненным. Поиски объяснений этого названия в тюркских языках не дали результата и, совершенно очевидно, являются бесперспективными, так как на сегодняшний день применительно к топонимии и географической терминологии основательно изучены не только общетюркский лексический фонд, но и словарный состав отдельных тюркских языков. Становится ясным, что гидроним *Иртыш* не может иметь тюркского происхождения. Обращение к лексике монгольских языков для объяснения этого топонима не осуществлялось, видимо, по причине заведомой бесперспективности.

Приведем полностью статью «Иртыш» из энциклопедии «Югория»:

Этимология названия *Иртыш* (тюрк. *Эртиш*, монг. *Эрчис*, манс. *Ени-Ас*, хант.

Тангат, Лангал) остаётся дискуссионной. Версия о связи названия реки Иртыш с калмыцкого *ир* 'земля', *тыш* 'рыть' (ср. *таш*: *Биртыш* 'рвущий, разрывающий') ввиду логического несоответствия (*Иртыш* — равнинная, спокойная река) находит всё меньше сторонников. Заслуживает внимания точка зрения А. П. Дульзона, поддержанная В. Н. Поповой, которые выделяют в имени *Иртыш* сегмент *-тыш/-тиш*, восходящий к кетским диалектам с огласовкой *-чеш*, *-шеш*, *-сес*, *-сис* с общим значением «река». Индивидуальный сегмент *-ир* этими авторами связывается с докетским (иранским) корнем со значением «бурый», «стремительный», что согласуется с характером водотока реки в её верхнем течении. В гидронимии автохтонного населения Западной Сибири — селькупов, угров, тюрков, кетов — речные названия с финалью *-ас* (варианты *-су*, *-сы*, *-сос*, *-сас*, *-сес*, *-сис*, *-цыс*, *-ники*, *-чис*) относятся к числу достаточно распространённых, что даёт возможность предполагать их генетическое родство, как и позднее — иранско-кетскую модификацию *ирсес* (*ирчес*) *ирчис* — в тюркизированной *эртиш* (*иртыш*) *иртыш* [Калинин, Фролов 2000].

Эта версия, связывающая гидроним Иртыш с енисейскими языками, высказана А. П. Дульзоном [1962] и известна в наибольшей степени по публикации В. Н. Поповой [1970].

Попробуем рассмотреть, как варьирует по отдельным известным нам енисейским языкам вид гидронимического форманта, восходящего к слову со значением «река» в известных нам на конец XVIII в. енисейских языках.

Согласно материалам словаря П. С. Палласа, *река* — по-арински *сать*, по-ассански и по-коттски («котовски») *шет*, по-кетски («инбацки») *сесь*, *дюево*, *дюгално*, по-пумпокольски *томь*, *татанга* [Паллас 1787–1789]. В коттском языке, помимо этого, есть форма *кемь*, к которой, без сомнения, восходит тувинское *хем* 'река' (предложение об обратном направлении заимствования почти неубедительно).

Итак, мы имеем ряд соответствий *сат* ~ *шет* ~ *сесь*, к которому можно добавить зафиксированные в топонимии формы *Тесь* (гидроним), *Шиш* — правый приток Иртыша, и *чес* ~ *зас* (для формантов, встречающихся в топонимах, чаще всего в гидронимах Южной Сибири, также предполага-

ется енисейское происхождение). Вероятнее всего, слово *чась* 'море', зафиксированное в селькупских (южноселькупских) диалектах тем же словарем П. С. Палласа, восходит к этому же слову *река*, из неопределенного енисейского языка. Возможно, этот список впоследствии будет расширен и тем самым мы получим возможность выявить следы каких-то еще енисейских языков, которые не были документированы даже в виде списков слов и от которых осталась только субстратная топонимия.

Возвращаясь к поискам объяснения происхождения гидронима Иртыш из енисейских языков и обращаясь к данным наиболее изученного из них — кетского, мы высказываем предположение, что в этом гидрониме представлен кетский корень *эрь* 'соболь'. Тогда получается, что *Иртыш* по своему значению — это 'соболиная река'. Предполагаемая форма *Эрьсесь* могла превратиться в Иртыш при заимствовании ее татарским языком, или, что нельзя исключать, она восходит к пока еще не определенному енисейскому языку, в котором слово *река* имело вид ***тэш*.

Форма *Эрдыш*, как она дана в «Сокровенном сказании», и форма *Ирдыш* у Рашид-ад-дина несколько отличаются по внешнему облику и от современной формы *Иртыш*, и от формы *Эрцес*, представленной в «Джангаре», что может иметь разные причины. Возможно, что формы с согласным *-о-* отражают несколько иной источник, может быть, какой-то другой енисейский язык, близкий к кетскому, но не тождественный ему, поскольку они не во всем укладываются

в наши представления об исторической эволюции тюркских и монгольских языков. Можно также предположить, что тюркские и монгольские формы этого топонима имеют разные истоки и были восприняты из разных диалектов неизвестного языка енисейской группы. Так или иначе происхождение гидронима *Иртыш-Эрцес* из енисейских языков в настоящее время представляет собой наиболее убедительную этимологию этого эпического и одновременно исторического названия реки.

Литература

- Джангар*. Калмыцкий героический эпос. На калмыцком и русском языках. М.: Наука, 1990. 475 с.
- Дульзон А. П. Древние передвижения кетов по данным топонимики // Географические названия (Вопросы географии, сб. 58). М., 1962. С. 50–55.
- Калинин В. М., Фролов Н. К. Иртыш // Югория: энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа: в 4 тт. / гл. ред. Г. Ф. Шафранов-Куцев, ред. В. В. Бакулин, Е. С. Зашихин и др. Ханты-Мансийск; Екатеринбург: Сократ, 2000–2005. Т. 1: А–И. 2000. С. 381–382.
- Рашид-ад-Дин. Сборник летописей / пер. с персидского Л. А. Хетагурова, ред. и примеч. проф. А. А. Семенова. Т. 1. Кн. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 222 с.
- Рашид-ад-Дин. Сборник летописей / пер. с персидского О. И. Смирновой, ред. проф. А. А. Семенова. Т. 1. Кн. II. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 316 с.
- Паллас П. С. Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею высочайшей особы: в 2-х частях. СПб., 1787–1789. Ч. 1. С. 315–316.
- Попова В. Н. К этимологии гидронима Иртыш // Языки и топонимия Сибири: [сб. ст.] / отв. ред. А. П. Дульзон. Вып. 3. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1970. С. 12–20.
- Сокровенное сказание монголов: Анонимная монгольская хроника 1240 г. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1990. 280 с.

УДК 81'373 + 811.512.37

ББК 81.2-3

МАТЕРИАЛЫ К ИЗУЧЕНИЮ УСТАРЕВШЕЙ ВОЕННОЙ ЛЕКСИКИ КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА*

А. Б. Лиджиев

Единый ойратский язык в процессе своего исторического развития разделился на ряд диалектов, которые и сейчас существуют на территории Западной Монголии, Синьцзянь-Уйгурского Автономного района КНР и России. К потомкам одного из них и относится калмыцкий язык, на котором существуют фольклор и обширная литература калмыцкого этноса. Однако в процессе

функционирования из языка исчезают некоторые лексемы, которые не находят должного употребления в обыденной жизни, что связано прежде всего с изменением образа жизни, культурной среды, а также множеством других факторов, влияющих на развитие языка.

Настоящая статья посвящена исследованию одной из таких узких тем, как военная

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 10-04-36402а/Ю.